Таким образом, почти за полвека до С. Ф. Елеонского в популярном труде популярного автора, правда, петитом, говорилось о херасковском примечании, сообщавшем русскому читателю о драгоценном наследии древне-русской поэзии.

Сообщение А. Н. Пыпина не прошло незамеченным. В 1900 г. И. И. Замотин, не ссылаясь, впрочем, на „Историю русской литературы“ Пыпина, говорит в своих „Ранних романтических веяниях в русской литературе“ (Варшава, 1900) об отношении Хераскова к Оссиану и приводит часть цитированных Пыпиным стихов из поэмы „Владимир“:

О древних лет певец, полночный Оссиан!
В развалинах веков погребщийся Баян!
Тебя нам возвестил незнаемый писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель,
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины...

(Назв. соч., стр. 56—57).

Кратко охарактеризовав значение этого места из „Владимира“, И. И. Замотин бегло касается и упоминавшихся Пыпиным стихов из „Бахарианы“.

Почти одновременно с С. Ф. Елеонским вспомнил о Хераскове Л. А. Творогов в статье „Как было открыто «Слово о полку Игореве»“ (Псковская правда, 1945, 14 ноября, № 215). Указав, что в 1795 г. гр. Мусин-Пушкин, обнаружив в принадлежавшем ему сборнике „Слово“, велел изготовить с рукописи, перевода и примечаний три копии, из которых одну преподнес Екатерине, вторую переслал в 1796 г. из Петербурга, где он тогда находился, в Москву М. М. Хераскову, „общепризнанному главе русских поэтов того времени“, прибавив, что третий экземпляр был предложен для издания В. С. Сопикову, который почему-то от предложения отказался, А. А. Творогов продолжает: „Только один Херасков достойно оценил присланные ему Мусиным-Пушкиным материалы, использовав их для новой редакции своей поэмы «Владимир» которую он вскоре же и издал с указанием о находке «Слова»“.

Таким образом, сведения о том, что Херасков был первым из русских поэтов, упоминавших „Слово“ вскоре же после его открытия, не являются чем-то новым в науке. С. Ф. Елеонскому принадлежит только честь указания на то, что Херасков сообщил в печати о „Слове“ за десять месяцев до статьи Карамзина в „Spectateur du Nord“.

Однако можно полагать, что еще за пять лет до херасковского упоминания о „Слове“ в печати появились материалы, которые отразили, правда, в очень неотчетливой форме, знакомство с началом мусин-пушкинской рукописи. В февральской книге журнала „Зритель“ (1792), издававшегося П. А. Плавильщиковым, А. И. Клушиным и И. А. Крыловым, в статье „Нечто о врожденном свойстве душ российских“ Плавильщиков, говоря о добродетелях древних россиян, восклицает: „Но какая это добродетель, есть ли нет просвещения? Не оттого ли русские о своих подвигах молчали, что письмена им были неизвестны? Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писанные законы, ученость имела свою степень возвышения, *и даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его.* Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все, существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и, может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища.